

ГЕНДЕРНАЯ СТЕРЕОТИПИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ: ЖЕНЩИНЫ-СААМИ В РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ

И.А. Разумова

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Аннотация

Рассматриваются представления о гендерных и семейных ролях народов, являющихся субъектами этнической ситуации на Кольском Севере. Автор основывается на результатах текущих исследований сотрудников Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН. Основное внимание уделяется рецепции гендерных, супружеских отношений у аборигенного саамского населения представителями русской культуры в различные исторические периоды на материале этнографических письменных источников. Выявляется, что этническая стереотипия коррелирует с гендерной (сексуальной). Саамская культура представлена как женская. Вариативность и историческая динамика стереотипии данного ряда – индикатор состояния социальной среды в регионе в тот или иной период, свидетельствуют об изменении культурных дистанций между представителями этнических групп с различным статусом.

Ключевые слова

саамы, русская этнография, гендерные роли, сексуальность, стереотипы, этнические контакты.

В настоящее время уже не требует дополнительной аргументации тот факт, что взаимные представления этнических общностей друг о друге, программируя соответствующее поведение и способы коммуникаций индивидов и групп, во многом определяют этническую ситуацию в том или ином регионе. Они сказываются на характере и направленности не только культурно-политических инициатив этнических субъектов, но и управленческих решений. В силу данного обстоятельства изучение этнической стереотипии, факторов ее формирования и динамики не может утратить актуальности.

В структуре этнических представлений свое место занимают более или менее устойчивые идеи и образы, связанные с организацией социального пространства другого народа, неизбежно включающего гендерные роли и статусы [1]. Этнический образ обретает известную гендерную определенность. Проблематика, касающаяся корреляции «этничности» и «сексуальности», роли «этносексуальности» как в размывании, так и в укреплении границ между народами, в последнее 10-летие разрабатывается достаточно продуктивно [2]. В исследованиях западных коллег речь идет преимущественно о практиках транснациональных взаимодействий, базирующихся на соответствующих гендерных моделях. Учитывая высокий уровень мобильности населения и современную миграционную ситуацию, в которую, так или иначе, вовлечены все регионы России, названный аспект межэтнических отношений заслуживает пристального изучения, в том числе ретроспективного, на локальном материале любого уровня.

При всей полиэтничности Кольского Севера можно выделить несколько основных этнических субъектов, которые формировали и формируют этническую обстановку в регионе на разных исторических этапах его развития. Динамика этнической ситуации на Кольском Севере преемственно изучается в последнее 10-летие в Центре гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН [3–9]. В данном случае мы избрали для рассмотрения лишь один фрагмент системы представлений народов, являющихся субъектами этнической обстановки на Кольском Севере. Он связан с рецепцией гендерных, супружеских отношений у аборигенного саамского населения представителями русской культуры, особенности которой выявляются на материале этнографических письменных источников.

Как показало исследование О.А. Бодровой [3–5], один из основных факторов, влияющих на формирование образа саамов в русской культуре, – этнографическая литература 2-й половины XIX века. Интерес к саамской культуре был во многом вызван геополитическим фактором и управленческими инициативами. На Кольском Севере именно в этот период (с 1860–1870-х гг.) начинают интенсифицироваться колонизационные процессы. Саамы характеризуются как народ традиционного типа культуры, отличающегося от типа модернизированного, и заданность этой дихотомии приводит к известным противоречиям, в том числе при обращении к области гендерных отношений.

Женщина в традиционной культуре рассматривается почти исключительно сквозь призму института семьи, с которым связаны ее функции. Описание саамской семьи во всех источниках 2-й половины XIX – начала XX вв. почти совпадает текстуально и включает следующие компоненты: характеристику мужчины-саама как семьянина, оценку супружеских взаимоотношений, характеристику женщины-саами, а также примеры отношения к детям. В целом, семья саами характеризуется этнографами 2-й половины XIX – начала XX вв. как традиционно-патриархальная. Вместе с тем отмечается относительно высокий статус жены и матери, основанный на разделении семейных обязанностей и экономических функций: «женщина, как мать, является с некоторым значением в семье; по понятиям Лопарей, ее власть над детьми даже выше власти отца. Однако муж может распоряжаться ее именем, и полною хозяйкой она становится только по смерти мужа до совершеннолетия детей, хотя и тут власть ее над отцовским и дедовским имуществом ограничена: она не может из него ничего продать, кроме одного оленя. После смерти отца дети не могут разделиться без согласия матери <...>. Все приобретенное трудом составляет общую собственность семьи; приданое составляет собственность той, с кем оно пришло, и ее мужа» [10, с. 30]; «В домашнем

хозяйстве жена распоряжается только одною рыбою, муж же распоряжается пищею и оленьим мясом, но приданое дочерей накапливается как отцом, так и матерью, а где семья состоит из нескольких братьев или дядей с племянниками, то хозяйство у каждого свое, а имеют только общий стол и наибольший хозяин считается старшим в роде и жена его считается старшею» [11, с. 58]. «Классическая» патриархальная модель модифицируется в соответствии с типом хозяйственного уклада. Более высокая степень независимости женщины связана с тем, что ее хозяйственная деятельность, включая в себя все домашние заботы, ими не ограничивается. Очевидно, круг экономических функций женщины в семье сужался и расширялся в зависимости от времени годового хозяйственного цикла и вида жизнеобеспечивающего занятия: морского промысла, оленеводства. Писатель С.В. Максимов отмечал в саамских женщинах «трудолюбие и домовитость, которые немало способствуют тому, что и дети воспитываются в некоторой патриархальной чистоте нравов: мальчик лопарь до совершеннолетия живет большею частью дома и не отпускается на трудные мурманские промыслы. Сама же лопарка всегда дома. На ее обязанности лежит приготовление пищи» и т.д. [12, с. 223]. Но это лишь с одной стороны. С другой стороны, этнографы, которые углубленно изучали образ жизни и хозяйственную деятельность саамской семьи в 1920-е гг., указывают на включенность женщины в основные традиционные занятия. По мнению В.К. Алымова, «у лопарей и мужчина, и женщина равны и в семье, и в хозяйстве, и во всей жизни» [13, с. 36]. Женщина не занималась охотой, в оленеводстве и рыболовстве выполняла роль «помощницы», вела все домашнее хозяйство и воспитывала детей. Одновременно, по замечанию другого этнографа, «на многих из них лежит исполнение работы не только женской, но отчасти и мужской, заключающейся иногда в заготовке топлива, рыбной ловле и лесоразработках» [14, с. 78]. При такой конфигурации распределения труда саамская женщина, как описывает В.К. Алымов, «так же умело управляет оленями, так же лихо несется на санях по тундре во время мороза и снежной пурги, как и ее муж, брат или сын»; она по многу часов не выпускает весел из рук при дальних поездках на карбасе, тянет невод, вынимает сети; косит сено «горбушей». Вместе с мужем и детьми она отправляется на заработки, живут в ковасе*, она управляет с хозяйством [13, с. 38]. Полукочевой образ жизни определил относительное равноправие женщины: хозяйство мужчины и женщины было нераздельно, и семья сопровождала мужчин во всех передвижениях [15, с. 143]. Косвенное подтверждение отсутствия мужского «всевластия» – указания на то, что почитание старших мужчин хотя и было нормой, но отнюдь не абсолютной и отчасти ориентированной на межличностные отношения: «К старикам, пользующимся в погосте достаточным уважением, как родственники, так и соседи относятся всегда хорошо и в затруднительных случаях неоднократно прибегают к их советам. Старики же с крутым и грубым нравом почти всегда теряют право на уважение к себе не только со стороны соседей, но и со стороны детей. Такие случаи, хотя редко, но бывают. Мною наблюдался случай в Йокангском погосте, когда при наличии у старика 3-х сыновей никто из них не мог ужиться с отцом продолжительное время. Даже материальная помощь со стороны сыновей ему не оказывалась» [14, с. 83].

Относительно благоприятное общественно-правовое состояние саамской женщины этнограф Н.Н. Волков справедливо связал с историческим фактором, указав, что «не было исторических предпосылок к принижению женщины. Саамы не знали наступательных войн, не обогащались за счет побежденных и не имели рабов и рабынь. С другой стороны, женщины почти наравне с мужчинами принимали участие в важнейших отраслях хозяйственной деятельности, к тому же не давших особенного перевеса в экономическом значении мужчины» [16, с. 55]. Саамскую культуру можно условно отнести к культурам «женского типа», в которых более или менее уравнивается статусно-правовое гендерное неравенство. Характеристики внутрисемейных отношений, сделанные полевыми этнографами в разные годы, подтверждают это: «Любовь и ласка среди лопарей может проявляться во всевозможных формах: муж, любящий свою жену, делает ей после удачных промыслов подарки, уделяет лучший кусок пищи, исполняет часть тяжелой работы и всячески старается делать ей что-либо приятное» (1927 г.) [14, с. 84]; «Во всех важнейших намерениях и делах саам советуется с женой и нередко, как мне приходилось наблюдать, делит с ней чисто женский труд» (1930-е гг.) [16, с. 55]; «В семейном быту лопаря до сих пор больше мира и согласия, чем споров и вражды. Жена не находится у мужа в положении рабыни; наоборот, лопарь любит свою жену, старается угождать ей подарками, и можно наблюдать, как в Коле какой-нибудь старый лопин покупает подарок для своей старушки. Жена

* Коваса – кувакса – переносное разборное жилище из жердей, покрываемых парусиной.

для мужа советница и в очень многом постоянная верная помощница» (1911 г.) [17, с. 74–75]. М. Кастрен, предпринявший поездку в Лапландию в 1938 г., писал об энарских саамах: «Благочестие горного Лопаря обнаруживается еще неограниченной любовью к жене, детям и домочадцам. Один горец рассказывал мне, что в течение 30-летнего своего супружества он не сказал жене ни одного бранного слова; напротив, обращался к ней всегда с ласковым словом: «loddadsham» (по фин. lintuiseni – моя птичка). Я сам видал, с какой любовью горные Лопари, возвращаясь ввечеру от оленей своих или из путешествия, целуют и ласкают жену и детей» [18, с. 80].

Таким образом, известное гендерное выравнивание в отношении статуса и власти сказывается на образе мужчины-саами. Он приобретает черты «мягкости», «ласковости», «терпеливости» и т.п. в той степени, в какой эти свойства оказываются заметными (превышающими привычную норму) с позиций иноэтнического наблюдателя. Судя по русским описаниям, мужчина-саами не склонен к конфликтам, лишен какой бы то ни было агрессивности. По высказыванию врача и бытописателя Ф.Г. Иванова-Дятлова, проявление злобы у лопарей «ограничивается только перебранками, реже легкими побоями, которые скоро забываются» [14, с. 84]. Если исходить из строгой патриархальной модели, то названные проявления, можно сказать, «не в счет», и типичные для русских гневные реакции в отношении домашних отсутствуют: «Упустит женка-ямщик весло в воду, дело плохое: лови весло по беспокойному озеру; русский бы выругался, рассердился, закричал – лопарь смеется сам же над собой. Для лопарей надо переделать русскую пословицу: не чужую, а свою беду руками разведу» [17, с. 95]. В этом смысле влияние русских оценивается негативно, и В.В. Немирович-Данченко ссылается на мнение самих саами: «У нас допрежь и не слыхано было, чтоб муж жену бил. Совет, да любовь в семье у нас. А лопарь Ананьин, что меж кандалакшскими колонистами поселился, бьет жену на смерть, за груди ее щиплет, поленом охаживает. Дело не бывалое! Теперь это как язва по нашей тундре пойдет!» [19-1, с. 158]. Бесконфликтное и детски-спокойное существование нарушается колонизаторами. С точки зрения многих дореволюционных бытописателей, сознательно или неосознанно базирующихся на руссоистском восприятии аборигенного народа, в этом заключается одно из главных противоречий колонизационного процесса: «Мы считаем это мирное, кроткое племя дикарями, но скажем, положи руку на сердце, кто дикарь – наш ли крестьянин, всегда готовый поколотить свою бабу, исполняя это как священную обязанность свою, или честный и вежливый лопарь, рыцарски нежный со своею женой, сестрой и дочерью?» [12, с. 67].

Известное смещение традиционной гендерной оппозиции наблюдается в характеристиках «нрава» и личных качеств саамских мужчин и женщин русскими этнографами. У мужчин не выражены черты маскулинности, у женщин – слабости и подчиненности. Парное характерологическое описание, скорее, соответствует современному феминистскому распределению свойств: «Мужчины ленивы, от природы робки, нерешительны, на первый взгляд простодушны, малоразговорчивы в трезвом виде и словоохотливы в пьяном, но всегда осторожны в разговоре. В семейной жизни ласковы, временами вспыльчивы, но отходчивы, несколько наивны. Не отличаясь большим практическим умом, имеют некоторую склонность к личной наживе и пр. Характер женщин несколько другой. Женщины трудолюбивы, более болтливы, чем мужчины, иногда кокетливы <...>, ласковы в семейной жизни, завистливы, по уму не уступают мужчинам» [14, с. 12]. «Живость» и «ум» как свойства, отличающие женщин-саами от мужчин, относятся к разряду типовых атрибутов: ««Лопарки вообще живее лопарей и на лицах женщин, пожалуй, больше прочтешь ума и живой мысли, чем у мужчин», – отметила В.Н. Харузина [20, с. 77–78]. Некоторое различие формулировок можно связать с гендерной принадлежностью этнографов, но в любом случае, признается достаточный уровень развития женщин, как минимум, «не уступающих» мужчинам. Еще в 1856 г. С.В. Максимов отметил, что саамские женщины владеют русским языком так же, как мужчины [12, с. 233].

«Ласковость в семейной жизни» и терпение, с которым преодолеваются бытовые трудности, объединяют супругов-саами в их коллективном портрете: «Слабый на вид лопарь ведет, однако, мужественно и безропотно тяжелую жизнь, несет большую работу. Верной помощницей ему в его неприглядной жизни является его жена» [21, с. 10]. Эта сочувственная характеристика дополняется еще одной объединяющей супругов чертой. Описывая семейные отношения, ряд авторов упоминают пьянство: «Даже в пьяном виде они (саамы) не бушуют. Группа пьяных лопарей производит весьма смешное впечатление, объятиям и поцелуям конца нет. На спиртные напитки падки как мужчины, так и женщины» [22, с. 75]. Семейные ссоры, которые все признают относительно редким явлением, закономерно связываются с данным обстоятельством: «Причина кроется главным образом в

нарушении супружеской верности, особенно со стороны мужчин. Семейные ссоры бывают чаще в пьяном виде. Муж, заподозривший свою жену в измене, старается застать ее на месте преступления и тогда избивает соперника. К этой мере прибегают чаще для того, чтобы избитый на глазах у всех мужчина от стыда и лишней огласки перестал ходить к чужой жене и на долгое время показываться на люди. Жене в этих случаях также достается» [14, с. 84].

Описанной картине противоречит устойчивое мнение о свободе сексуального поведения женщин-саами. Чаще оно обозначается как «гостеприимный гетеризм» и ассоциируется с архаической ритуальной практикой гощения. Упоминания об этом обычае и опровержения его содержат источники, начиная с XVI–XVII вв. (описания З. Герберштейна, Й. Шеффера). Российские этнографы XIX – начала XX вв. традиционно обращали внимание на этот аспект супружеских отношений, что способствовало поддержанию стереотипа об «отсутствии больших требований к супружеской верности», по формулировке Иванова-Дятлова. При этом наблюдаются противоречия «свидетельских показаний». Если С.В. Максимов утверждал, что «промышленники русские все единогласно хвалят целомудренность лопарских женщин» [12, с. 223], то большинство авторов, очевидно, придерживались иной точки зрения. «В древние времена был широко распространен у обеих групп лопарей гостеприимный гетеризм, который не мог остаться без влияния на их тип. В настоящее время легкостью нравов лопарок пользуются как шведы и норвежцы, имеющие деловые отношения с лопарями, так и карелы и русские, как постоянно живущие в Лапландии, так и те, которые приезжают лишь на время промыслов на Мурманский берег», – пишет этнограф Д.А. Золотарев, дополнительно ссылаясь на материалы Н.Н. Харузина [23, с. 146–147]. Н.Н. Волков осторожнее констатирует наличие гендерной асимметрии, противоречащей стереотипу классической моногамной семьи, в которой мужу дозволено больше, чем жене: «По отношению к своим женам саамы примерные мужья, но зато многие путешественники у жен находят качества обратные, объясняя их религиозным или гостеприимным гетеризмом и тому подобными пережитками» [16, с. 55].

Сомнительно наличие каузальной связи между конкретной архаической ритуальной практикой и нестрогим соблюдением норм моногамного брака в отношении сексуального поведения, когда оно фиксируется у семей, ведущих определенный образ жизни в определенных исторических условиях. Менее стереотипно представлено положение дел Ф.Г. Ивановым-Дятловым, который не был профессиональным этнографом. После описания супружеских ссор из-за измены, он замечает: «На измену жены или мужа в период осеннего сбора оленей, когда большая часть мужчин, разбредаясь по тундре, заходит на ночлег в чужую стоянку и здесь вступает в половую связь с посторонней женщиной, смотрят снисходительно. Эти случаи, по словам самих лопарей, среди Пулозерских оленеводов нередки» [14, с. 84]. Ситуация, таким образом, становится равновесной в отношении обоих супругов и относится к периоду периодических (сезонных) разъединений семьи, то есть детерминируется образом жизни и превращается из ритуализованной в обыденную. Далее сельская повседневность предстает в следующем виде: «в каждом погосте восточной части Кольского п-ова найдется не одна, а несколько женщин, легко вступающих в половую связь с посторонними мужчинами, главным образом с неженатыми парнями, доводящими иногда свою связь до полной гласности во всем селении. По словам одной лопарки, поводом к началу измены у женщин служит пристрастие к бражке, неудачная семейная жизнь при пожилom муже и обилии ребят. Мужчин толкает на половую жизнь с посторонними легкая доступность замужних женщин и частое злоупотребление спиртными напитками» [14, с. 84–85]. В этом описании и перечне мотивов супружеских измен, высказанных самой жительницей, уже трудно усмотреть какую-либо этническую специфику.

Если судить по текстам, то вариативности норм сексуального поведения в браке противостоит их строгость в отношении добрачного периода жизни женщины. В.В. Немирович-Данченко в этой связи ссылался на мнение русских поморов: «Девкам только лопским плохо... Воли той нет, что у колянок. Простору нет, негде ей разойтись. Мать у них никуда не пускает девку. В оба за ней смотрит. Даже рыбу лопка пойдет ловить, а мать тут же на бережку сидит да присматривает. Потому, коли у нас девка гуляет, по-нашему сраму нет, а если у них – беда. Бывало дело, что матери топились от стыда, как девки ихние с парнями спутывались. У них строго. Ежели кто испортит девку, жениться должен. Если он откажется, мать сейчас же к его родным обращается. Ну, те заставляют жениться, хотя бы он богат был, а она бедная. Если и при этом он не обвенчается, то мать и отец отказываются кормить ее. Ступай, куда хочешь» [19-2, с. 120–121]. Такую же картину отметили этнографы в конце 1920-х гг.: «Лопарские девушки до вступления в брак в большинстве случаев целомудренны, и что половая связь их с

мужчинами в восточных погостах встречается, как редкое явление. <...>. Вступление в половую связь до церковного брака или регистрации между женихом и невестой обычно не происходит. В случаях, когда обстоятельства требуют совместного сна в одной рове, родственница со стороны невесты ложится на ночь между женихом и невестой и так делает до тех пор, пока брак не будет узаконен» [14, с. 85]. Вместе с тем оценка бытописателями наказания девушек за прелюбодеяние различается. Соответственно меняется и интерпретация. По мнению А.Я.Ефименко, наказание «только» насмешками и изгнанием из родительского дома – мягкое, и оно свидетельствует о «нестрогости» нравов, как и то, что соблазненный обычно женится на ней [10, с. 59]. Те же обстоятельства другими этнографами (мужчинами) истолковываются противоположным образом. Относительно более свободные в поведении лопарские девушки сопоставляются с целомудренными фильманскими [10, с. 59] или – спустя полвека – с ижемскими: «На вечеринках девицы сидят отдельно, парни – отдельно. Не принято, чтобы девицы разговаривали, шутили или смеялись с парнями. Лопарки держатся несколько проще, свободнее, но ижемки, как куклы в витрине, рассядутся и сидят, не улыбаясь, не шевелясь, не смотря по сторонам» [24, с. 27].

По этнографическим данным разного времени, саамы – и мужчины, и женщины – достаточно легко вступали в смешанные браки с представителями этносов-соседей. В частности, русские охотно брали в жены женщин-саами, поскольку, как писал В.К.Алымов, «лопки – хорошие хозяйки и привычны без мужа вести хозяйство, что для рыбака или зверобоя, надолго отправляющегося на промысел, очень ценно» [25, с. 9–10]. Во всех случаях побеждала оседлая культура в лице ее представителей: «Лопарка, вышедшая замуж за русского или за финна, перестает быть лопаркой; лопарь, переходящий к оседлой жизни и женившийся на русской, сам вскоре становится русским» [26, с. 99–100]. Так на уровне метафорическом саамская культура обретает черты известного гендерного статуса. С точки зрения «колониального» взгляда на вещи, данное распределение облегчает взаимодействие титульного («сильного») и аборигенного («слабого») народов, оправдывает культурное и политическое доминирование и «цивилизационную миссию» в отношении автохтонов.

Изменение традиционного образа жизни с переходом на оседлость по-разному сказалось на мужчинах и женщинах саами. Как отмечал в 1930 г. В. Чарнолуский, если в передвижениях лопарей вместе с семьей, передвижным жилищем и необходимой утварью лопарь-мужчина находил максимум «комфорта» в семейной обстановке, то с появлением постоянных жилищ он лишился и того минимума «удобств», которыми обладал. Женщина же, вообще семья, с появлением туп (стационарных срубных жилищ) приобрела максимум «комфорта», возможного при современном культурном уровне саамов [15, с. 121].

Представление о том, что женщина выполняет функции главы семьи, в настоящее время сказывается на семейном самосознании и моделях поведения в семьях саами, внешних оценках; оно включается в этнический образ народа и связано с его внешним восприятием. Считается, что саамские женщины очень самостоятельны, относительно легко выбирают и отвергают мужей или обходятся без них; они более мобильны, сильнее мотивированы к получению образования и социально активнее, чем мужчины*, а также имеют «мужские» привычки (пьют и курят, хотя и реже, чем мужчины). Во всех этих смыслах они в высшей степени современны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб: Наука, 1991.
2. Nagel J. Race, Ethnicity and Sexuality: Intimate Intersections, Forbidden Frontiers. New York: Oxford University Press, 2003.
3. Бодрова О.А. Влияние колониальной идеологии на подходы к этнографическому описанию автохтонных народов Российской империи // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 90–99.
4. Бодрова О.А. Образ саамов в русской этнографической литературе второй половины XIX века. К проблеме субъективности этнографического описания // Северяне: проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. С. 36–41.
5. Бодрова О.А. Специфика описания культуры саамов в русской этнографической литературе второй половины XIX века // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2008. С. 8–11.
6. Виноградова С.Н. Общины коренных малочисленных народов Севера на территории Мурманской области: проблемы и перспективы // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. С. 25–44.
7. Змеева О.В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2011.
8. Петров В.П. К истории развития гуманитарных исследований в Кольском научном центре РАН / В.П. Петров, И.А. Разумова // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России. Апатиты: КНЦ РАН, 2005. С. 5–17.
9. Петров В.П. Проблемы и перспективы социально-

* Большинство саамских общественно-культурных организаций в области возглавляют женщины.

антропологических исследований этнокультурной ситуации на Кольском Севере / *В.П. Петров, И.А. Разумова* // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-Арктическом регионе. Апатиты: КНЦ РАН, 2005. С. 108–118. **10.** *Ефименко А.Я.* Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии. СПб., 1877. **11.** *Дергачев Н.* Русская Лапландия. Статистический, географический и этнографический очерки / сост. Н. Дергачев. Архангельск: Издание Арх. губ. стат. комитета, 1877. **12.** *Максимов С.В.* Год на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во 1984. **13.** *Алымов В.К.* Лопари. М., 1930. **14.** *Иванов-Дятлов Ф.Г.* Наблюдения врача на Кольском полуострове (11 января – 11 мая 1927 г.). М., 1928. **15.** *Чарнолуский В.В.* Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930. **16.** *Волков Н.Н.* Российские саамы. Историко-этнографические очерки. Каутокейно. СПб., 1996. **17.** *Дурылин С.* За полночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке. М., 1913. **18.** *Кастрен М.А.* Путешествие в Лапландию в 1838 году // Собрание старых и новых путешествий. Ч. II. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838-1844, 1845-1849). М., 1860. **19.** *Немирович-Данченко В.И.* Страна холода: в 2 т. СПб., 1903. **20.** *Харузина В.Н.* На Севере. Путевые воспоминания. М., 1890. **21.** *Харузина В.Н.* Лопари // Читальня народной школы. Журнал с картинками. СПб., 1902. Вып. 11. ноябрь 1902. С. 1–38. **22.** *Гебель Г.Ф.* Наша Лапландия. СПб., 1909. **23.** *Золотарев Д.А.* Кольские лопари. Труды Лопарской экспедиции Русского географического общества по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова. Л.: Ан СССР, 1928. **24.** *Рихтер З.* По Лапландии. М.: 1929 (Б-ка «Огонек», 413). **25.** *Алымов В.К.* Об ассимиляции лопарей // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 17–18. С. 7–10. **26.** *Адымов В. К.* Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова // Кольский сборник. Л.: АН, 1930 / Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. С. 71– 101.

Сведения об авторе

Разумова Ирина Алексеевна – д.и.н., гл. научный сотрудник;

e-mail: irinarazumova@isc.kolasc.net.ru